

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

**Соловки. Воспоминания и
рассказы из поездки с
богомольцами**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 167 с.

ISBN 978-5-519-99085-1

ISBN 978-5-519-99085-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы». Низко склонились включенныя головы крестьянъ-богомольцевъ. Гдѣ-то въ углу отъ сознанія яснаго счастья рыдала старуха, прошедшая тысяча верстъ, въ чаяніи помолиться надъ мощами Соловецкихъ угодниковъ. У самыхъ дверей часовни двѣ сгорбленныя нищенки протягивали къ намъ закорузлыя, тощія руки. И для этихъ нѣтъ—здѣ пребывающаго града, и эти вѣрують — въ Іерусалимъ грядущій!.. И отрадная вѣра спасетъ ихъ отъ отчаянія, отъ тяжелаго сознанія ужаса своего положенія.

О ты—горній, грядущій Іерусалимъ! Не одно изстрадавшее, облитое кровью сердце бьется великою вѣрою въ твоё пришествіе. Не одинъ грустный взглядъ измученнаго устремляется въ синюю, бездонную высь, слѣдитъ за серебристо-бѣлыми ея облаками, словно испытывая, гдѣ сверкають стѣны этого града, гдѣ сіяють купола его, гдѣ зыблются и шепчуть, зеленѣютъ и цвѣтутъ благоуханные сады Эдема...

Намъ, кого жизнь придавила своею тяжелою пятою, намъ, оставляющимъ капли лучшей крови своей на каждомъ камнѣ мостовой, намъ, чье ложе было не разъ измочено слезами, чьи рыданія слышала равнодушная, темная ночь, намъ разбитымъ, намъ раздавленнымъ, намъ униженнымъ — ты ярко сіяешь въ лазурной высотѣ надписью, начертанною Божественнымъ Спасителемъ на вратахъ твоихъ:

«Приидите сюда вси труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы!»

Мы вошли во дворъ подворья. Весь второй этажъ четыреугольника занятъ квартирами, отдающимися въ наемъ отъ 200 р. въ годъ и выше. Какъ намъ говорили — это одиѣ изъ лучшихъ квартиръ въ городѣ. Высокія, большія комнаты, свѣтлыя окна, чистые входы — хоть бы и въ столицу. На дворѣ разбрелись богомольцы самыхъ разнообразныхъ типовъ. Вотъ высокій, угловатый вятчанинъ-хлѣбопашецъ, вотъ прицмокивающій красивый пенкурецъ, тутъ цѣлая толпа пермяковъ, а тамъ олончане, словно

чему-то удивляющіеся, чего-то непонимающіе. Между ними сновали бабы, растерянные, суетливыя.

А вотъ среди общаго движенія—равнодушный ко всему, съ трубочкой въ зубахъ, отставной ундеръ. Шинель его въ лохмотьяхъ, одна нога въ лаптѣ, другая въ какихъ-то опоркахъ, на головѣ вмѣсто шапки какая-то невообразимая кошка, но взгляните въ это спокойное лицо, и вы поймете, какъ мало смущаютъ его тревоженія и бѣдствія его жизни. Была бы засыпка табаку, краюха хлѣба въ сумѣ, — а тамъ хоть трава не расти. Двѣ, три медали болтаются на груди его, въ рукахъ костыль, а рядомъ съ нимъ ребятишко, маленькій, курносенькій, быстроглазый.

— Сынъ, что ли?—спросили мы его.

— Какое! Такъ... На дорогѣ его поймалъ—безъ роду, безъ племени.— И онъ погладилъ его шаршавую голову жесткою, крупною рукою...— При мнѣ и кормится...

Вотъ гдѣ-то запричитала баба. Толпа кидается къ ней.

— Что съ тобою, бабушка?

— Маточки... отцы родные... охъ, бѣда пришла... Что я подѣлаю, горегорькая сиротинушка...

— Да что тебѣ?

— На базарѣ должно быть платъ потеряла.

— Дорогой платъ-отъ, что-ли?

— Дорогой, кормилецъ, дорогой. Три свѣтлушечки дала за него. Шестьдесятъ копѣекъ... Охъ, голубчики!

— Ну, полно выть, — выдвигается одинъ вологжанинъ.—Что платъ отъ? Новый купишь и шабашъ!

— Да въ емъ, отецъ, въ платъ-отъ деньги мои кровныя... Ахъ, родимые, пятьдесятъ цѣлковичковъ, да билетъ. Голубчики вы мои... Легше бы скрозъ землю...

Толпа молчитъ. Лица бородатыхъ слушателей смущены... Каждому близко къ сердцу такое несчастіе.

— Свои деньги, что-ль?

— Два десятка своихъ, а остатошныя посбирала на Соловецкихъ угодничковъ. Какъ они теперь... Соловецкіе угоднички? Не по-ми-лу-ють... Голубчики, отцы-ы ро-одные!..

— А ты не горюй, — вступается монахъ, — ты не горюй Вѣра твоя спасетъ тебя... Усердія одново довольно!

— Да, какже я до угодничковъ доберусь то, корми-илецъ?

— На пароходѣ даромъ свеземъ.

— Родной ты мой... А билетъ-отъ?

— Какъ-нибудь... Не горюй... Пооди въ часовню — помолись, какъ рукой сниметъ!

— Сниметъ?

— Сниметъ, какъ не снять, — загладѣла толпа. — Ступай, матка, въ часовню... Сниметъ разомъ!

И старуха, плача, поплелась въ часовню.

Тутъ въ первый разъ мнѣ кинулось въ глаза различіе между монахами Троицко-Сергіевской лавры и Соловецкаго монастыря. Когда я ѣздилъ въ первую, меня въ подворьѣ встрѣтилъ монахъ въ рясѣ ліонскаго бархата, съ золотою часовою цѣпочкой на груди и кольцами на рукахъ. Тутъ же всѣ попадавшіеся на встрѣчу монахи носили толстаго чернаго сукна рясы и грубые крестьянскіе сапоги.

— Что у васъ, всѣ такъ одѣваются? — спросилъ я у перваго монаха.

— Какъ это то-есть? — недоумѣвалъ тотъ.

— Да такъ, лучше не носите одежды, какъ въ другихъ монастыряхъ?

— Нѣтъ, у насъ этого не положено. Потому намъ другой одежды не требуется. Мы вѣдь больше изъ крестьянъ. Въ прочихъ обителяхъ — можетъ, дворяне есть, ну, такъ тѣ приобыкли. А намъ и то хорошо!..

Вотъ мимо проходятъ двѣ дѣвушки — богомолки. Глаза черные, темныя косы низко опускаются по спинѣ. Высокая соболья бровь оттѣняетъ загорѣлый, но красивый лобъ. Совершенно не сѣверный типъ!

— Откуда, молодка?

— А съ Пилтавской губернии!

Такъ и есть — знойный, горячій югъ!..

Вотъ какой-то мѣщанинъ, какъ оказалось потомъ, про-

славецъ, въ сѣромъ драповомъ халатѣ, тащитъ на площадѣхъ безногаго уродка. Тоже богомольцы. А тамъ за ними, словно фонъ картины, цѣлые десятки однообразныхъ сѣрыхъ армяковъ, въ перемежку съ синими сарафанами.

— Можно осмотрѣть, гдѣ помѣщаются богомольцы?

— А пожалуйста, вотъ по той лѣсенкѣ!

Мы поднялись — и вошли. Большія, выбѣленные комнаты, съ нарами по срединѣ. Все чисто. Воздухъ свѣжъ, вентиляція устроена хорошо. Кучка богомольцевъ галдѣла о какихъ-то пошехонскихъ старушкахъ, дѣлающихъ чудеса на Ивановъ день. Въ углу слѣпой пѣлъ пѣсню объ Алексѣ - Божіемъ человѣкѣ. Гнусливый, носовой напѣвъ смѣшивался съ густымъ храпомъ спавшаго на нарахъ судорабочаго. Въ другой комнатѣ — были женщины. Тутъ, какъ и слѣдовало ожидать, стоялъ гвалтъ неописанный. Двѣ, ветхія деньми старушонки съ утиными носами, рѣзко выдѣлявшимися на свежившихся въ кулачекъ личикахъ, перекорялись одна съ другою изъ-за какого-то калача. Старая бѣдняга-чиновница гордо сидѣла въ углу одна, не смѣшиваясь съ чернью. Побывавшая во всѣхъ городахъ и, разумѣется, во всѣхъ острогахъ, странница рассказывала о цупѣ земномъ, лично видѣнномъ ею въ Ерусалимъ-Голгофь-Гефсиманской, объ огнѣ, исходящемъ изъ внутренняго нутра Печорскихъ святителей, о стрѣлѣ, язвящей, но не пронзающей, о разныхъ пророческихъ явленіяхъ, о живомъ двуглавомъ орлѣ, находящемся, будто бы, въ золотой клѣткѣ, въ царскомъ дворцѣ въ Питерѣ; о стоглавъ-змѣѣ, чуть было не пожравшемъ ее, потому что она, отправляясь въ Ерусалимъ-Голгофь-Гефсиманскую, помыслила о земномъ — о кофѣѣ, тутъ-же откровенно признавалась она.

— Какъ же ты, матушка, — водой, чать, ѣхала въ святые мѣста?

— Въ Ерусалимъ-Голгофь?

— Да.

— Все по сушѣ... Пѣшечкомъ все, на этихъ самыхъ поженькахъ, родная!

— А моря не встрѣчала?

— Было, признаться, одно море, гдѣ фараонъ съ воинствомъ на колесницѣхъ—потопъ. Однажды, какъ мы подошли, такъ оно сейчасъ и отхлынуло. Мы по бѣлому, бѣлому песочку, съ золотыми и брульянтовыми камнями, такъ и прошли. Какъ на бережокъ вышли—вода опять сошлась. Чудо!.. И сколько чудесъ этихъ—не перечесть. И все—чудеса разные. Въ одномъ мѣстѣ водой дѣвствуетъ, въ другой—огнемъ, а въ третьемъ—ароматомъ на тебя пушаетъ... Да, сподобилась я, грѣшная, за мое сиротство горькое, да за добродѣтель мою. Смирение—великое дѣло передъ Господомъ!

Мы вышли отсюда.

Нужно было справиться о цѣнѣ переѣзда въ Соловки, на пароходахъ этого монастыря.

Въ конторѣ подворья намъ дали билеты на каюты I класса.

Кабюта перваго класса, на 4-хъ человѣкъ, стоитъ въ Соловки и обратно 12 р., втораго класса 8 р., мѣсто въ общей каютѣ перваго класса (въ два конца за все) — 6 р., во второмъ — 4 р., третьеклассныя мѣста на палубѣ—3 руб.

У Соловецкаго монастыря есть два парохода—«Вѣра» и «Надежда».

Другое подворье помѣщается въ Соломбалѣ, у паромной пристани; это двухъ-этажное зданіе, съ отдѣльнымъ флигелемъ, гдѣ помѣщается часовня. Мы еще будемъ имѣть случай разсмотрѣть его. Третье подворье находится въ Сумскомъ Посадѣ, Кемскаго уѣзда. Было еще четвертое, въ г. Вологдѣ, но оно уже давно продано частному лицу.

Выходя изъ воротъ Соловецкаго подворья, мы случайно увидѣли подъ самой крышей, въ выходящихъ на дворъ стѣнахъ его, маленькія окошечки. Оказалось, что практичныя монахи устроили тамъ маленькія комнатки, которыя и сдаются въ наемъ разнымъ чиновникамъ мелкаго ранга. Тутъ ютится благородная и высокоблагородная нищета. Тутъ гиѣздится бѣдный людъ, утѣшающій себя тѣмъ, что

умереть въ Соловецкомъ подворьѣ, все равно, что умереть въ самомъ монастырѣ. Значить, все поближе къ царствію небесному.

— Много-ль у васъ богомольцевъ скопляется одновременно?—спросилъ я, уже выйдя изъ подворья, у подвернушагося мнѣ монаха.

— Человѣкъ по 900 бываетъ!

— И все крестьяне?

— Крестьяне!

— Изъ какихъ больше губерній?

— Вятской, Пермской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской, да почти со всей Россіи идутъ сюда. Какъ начнется судоходство, народъ и валить. Теперь еще отошло. Все же въ годъ тысячъ двадцать пять перебиваетъ, до тридцати доходить... Вы тоже къ намъ?

— Да.

— Поѣзжайте; есть, гдѣ помѣститься. У насъ мѣста святія! Аѳонъ Русскій—наши Соловки!

И такъ, въ Русскій Аѳонъ!

1.

Пароходъ «Вѣра».

Мы отправились изъ Архангельска въ Соловки лѣтомъ 1872 года на монастырскомъ пароходѣ «Вѣра». Солнце въ городѣ пекло немилосердно. Все общало спокойное плаваніе. На небѣ ни облачка, флаги на мачтахъ судовъ неподвижно повисли. Двина была зеркальная. Ни малѣйшей ряби...

Толпа на пристани казалась все меньше и меньше, отдѣльныя лица сливались въ одну массу и, наконецъ, исчезли вовсе, когда пароходъ, слѣдуя теченію рѣки, круто повернулъ направо.

Насъ въ каютѣ собралось немного: какая-то старая дѣва съ подвязанною щекою и маленькими, бойко бѣгавшими глазками. Толстый вятскій купецъ бесѣдовалъ въ углу о душеспасеніи, о приближеніи грядущаго града съ «батюшкой» — красивымъ старикомъ, отличавшимся тѣмъ хитро - добродушнымъ выраженіемъ лица, которое составляетъ едва ли не главную отличительную черту всѣхъ чисто-великорусскихъ фizioномій.

Первые полчаса мы знакомились съ пароходомъ.

Тутъ все поражало насъ удивленіемъ. Командиръ парохода, рулевой, машинистъ, матросы — весь экипажъ его состоялъ изъ монаховъ. Странно было видѣть моряковъ въ клобукахъ, точно и быстро исполнявшихъ распоряженія своего капитана — небольшого, худощаго инока, зорко оглядывавшаго окрестности. Не слышно

было приказаній вовсе. Движенія его руки опредѣляли каждый шагъ корабля, превосходно выполнявшаго эту безмолвную команду. Высоко, на главной мачтѣ парохода, сверкалъ яркимъ, рѣжущимъ глаза блескомъ вызолоченный крестъ, вмѣсто флага. Вотъ на него опустилась, словно серебряная, чайка, и, отдохнувъ съ распростертыми крыльями одно мгновенье, она ринулась въ недосигаемую высоту такъ быстро, что у насъ невольно захватывало дыханіе, когда мы слѣдили за ея полетомъ. Рѣзкій, словно плачущій, крикъ ея донесся оттуда.

Палуба была вся загромождена богомольцами.

Всѣхъ пассажировъ пароходъ везъ около 450 человекъ.

Это — прекрасное винтовое судно, купленное монастыремъ за безцѣнокъ и крестьянами-монахами передѣланное для Бѣлаго моря. Легкій на ходу, быстрый пароходъ «Вѣра» совершенно приспособленъ къ этимъ капризнымъ и опаснымъ водамъ.

Мы втроемъ присѣли у самого края кормы на кругѣ свернутого каната и невольно заглядѣлись на широко разстилающуюся позади даль, окаймлявшую зеленоватосѣрый просторъ Двинскаго лимана.

Направо и налево даль ограничивалась низменными, пустынными, зелеными берегами. Только изрѣдка убогое село сползало къ самой рѣкѣ. Кое-гдѣ, словно въ воздухѣ, висѣли бѣлыя колоколенки и куполы деревенскихъ церквей.

Порою изъ однообразной массы лѣсныхъ вершинъ, едва-едва замѣтныхъ въ отдаленіи, виднѣлись туманныя линіи еще болѣе далекихъ рощъ, точно окутанныхъ голубымъ флеромъ. Песчаные промежи, сверкала золотыми извивами, тянулись вдоль зеленой каймы, то узкими, какъ остріе, чертами, то широкими, какъ ярко блестящіе щиты, отмелями. Съ парохода на нихъ можно было разглядѣть черныя точки вверхъ дномъ опрокинутыхъ карбасовъ; вблизи ихъ копошились и ползали въ разныхъ направленіяхъ еще меньшія точки.

Кое-гдѣ вдоль береговой линіи, будто крылья чайкъ, мелькали паруса. Они, казалось, вовсе не подвигались впередъ.

Въ самомъ центрѣ зеленой каймы, тамъ, гдѣ правая и лѣвая сторона ея почти смыкались передъ нами, висѣлъ въ голубомъ прозрачномъ воздухѣ бѣлый городъ; какъ мелкія искры блистали, мѣняя постоянно направленіе своихъ лучей, куполы церквей и соборовъ. Съ каждымъ движеніемъ парохода то выдвигались бѣлыя линіи набережной, то вырѣзывались бѣлые силуэты колоколенъ. Городъ поднимался надъ рѣкою все выше и выше. Казалось, между нимъ и уровнемъ воды легла смутная, мгlistая полоса... она все ширилась и ширилась... искра за искрой пропадала надъ нею; бѣлая линія стуживалась и сокращалась... Вотъ и все погасло, только одна точка еще лучится, когда взглядишься въ эту даль. Одна слабая точка, да и та, кажется, высоко въ небѣ. И она потухла, и зеленые берега сомкнулись передъ нами.

А впереди были облака, вода и небо.

На самомъ краю его, какъ невѣдомый, чудный гористый край, постоянно мѣняя свои очертанія, вздымалась серебряная, матово-серебряная, съ золотисто-голубыми тонами полоса облаковъ... Воображеніе дорисовывало между этими фантастическими вершинами призрачныхъ горъ—глубокія, лѣсистыя долины, на тихихъ берегахъ бѣлые города, маленькіе, всѣ потонувшіе въ зелени. Такъ и манило туда, туда, далеко — въ эти поэтическія пустыни.

А капитанъ-монахъ опасливо глядѣлъ на эту, все возрастающую изъ-за моря кайму. Зоркіе глаза его какъ будто высматривали что-то грозившее пароходу. Не бурю ли?

Что за дѣло! Пока еще лазурь уходившаго въ недосягаемую высь неба была безмятежна, упругія волны смиренно лизали бока парохода, безконечный просторъ дышалъ красотою мира и покоя.

Откуда - то съ берега вѣтромъ донесло какъ будто

звуки настушьяго рожка... Да, это они. Цѣлый рой воспоминаній, красокъ, образовъ, голосовъ словно вспыхнулъ въ памяти. Такъ разомъ поднимается вверхъ встрѣженный рой пчелъ. Какою-то прелестью уединенія вѣяло отъ этихъ звуковъ... Мы, словно зачарованные, внимали имъ. И тихая грусть незримо неслышимо проникала въ сердце...

А берега казались все ниже и ниже, концы ихъ направо и налево все отходили отъ насъ, сливаясь съ сѣрымъ просторомъ лимана.

— Скажите, какая огромность!—послышалось за мною, и все очарованіе исчезло. Флюсъ въ юбки наслаждался природой.

За одно это выраженіе я готовъ былъ выбросить
●● за бортъ.

II.

Отецъ Іоаннъ—командиръ парохода.

Я поднялся наверхъ къ капитану.

Отсюда видъ становился еще шире. Казалось, что еще мигъ—и полусмытые берега лимана пропадутъ вовсе. Мимо насъ быстро проплыла поморская шкуна. На одну минуту въ глазахъ мелькнули двѣ невысокія мачты, три паруса и какой-то коренастый малый въ шерстяной фуфайкѣ, копошившійся на палубѣ. На кормѣ шкуны преспокойно спала поморка, въ аломъ кумачномъ сарафанѣ.

И снова пустынная ширь зеленовато-сѣрой воды.

Капитанъ парохода крайне заинтересовалъ меня своею наружностью. Небольшого роста, весь какъ будто состоящій изъ нервовъ и жилъ, онъ ни на одну минуту не оставался въ бездѣйствіи: то онъ сбѣгалъ внизъ къ рулю и самъ поворачивалъ его, избѣгая переносныхъ мелей, то опять зорко оглядывалъ окрестности, командуя экипажу. Бѣлая парусинная ряса во всѣ стороны развѣ-